

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 330.1

КАТЕГОРИЯ ЭКСПОЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

канд. экон. наук, доц. А.Л. ПОДГАЙСКИЙ
(Институт экономики НАН Беларуси, Минск)

Рассмотрены методологические аспекты многообразия организационных форм социально-экономической жизни. Проанализированы мировоззренческие основы традиционных подходов к исследованию проблемы многоукладности экономики, предполагающие идею универсальной историчности, линейно-поступательное видение прогресса, преимущественный интерес к состояниям устойчивости и равновесия. Показана ограниченность этих подходов, обоснована необходимость смены парадигм социально-экономического развития. В контексте новой парадигмы социально-экономической динамики раскрыта сущность категории эксполярной экономики, отражающей присутствие в экономической жизни образований, которые по принципам функционирования и логике развития существенно отличаются от доминирующих структур. Выявлены важнейшие характеристики эксполярных экономических образований, показана их роль в социально-экономическом развитии общества.

В настоящее время тезис о том, что многоукладность является атрибутивным признаком современной экономики, представляется достаточно бесспорным. В общественном (в том числе научном) сознании постепенно утвердилась мысль о позитивной роли некоторой хозяйственной разнородности в реальной экономической жизни. Однако такая оценка имеет преимущественно эмпирическое происхождение. Несмотря на постоянное употребление в научной литературе тезиса о том, что современная экономика базируется на разнообразии форм хозяйствования и плюрализме форм собственности, подобные утверждения носят постулативный характер и не имеют под собой серьезных теоретических оснований.

В 70 – 80-е годы прошлого века передовые страны двух суперсистем, в экономике которых в наиболее чистом виде были воплощены альтернативные схемы социально-экономического миропорядка, переживали структурный кризис. Они столкнулись с трудноразрешимыми (в рамках логики своих систем) проблемами сохранения темпов экономического роста, обеспечения социальной стабильности¹ и экологической сбалансированности. В дальнейшем решение этих проблем сопровождалось значительными, в том числе мировоззренческими, издержками. Вместе с тем было замечено, что страны, располагающие более сложными и разнородными социально-экономическими структурами, несводимыми к логике «чистого» капитализма или социализма, зачастую демонстрировали большую эффективность в обеспечении благосостояния населения в самом широком контексте, в достижении устойчивого развития национального хозяйства в долгосрочной перспективе. Иными словами, «неправильные» (с точки зрения теоретических моделей) системы в реальной жизни нередко обеспечивали человеку более комфортные условия существования, чем логически выдержанные образцы. Они были «социальнее» и «экологичнее» «чистых» систем, проявили набор характеристик, позволяющих предполагать высокую степень жизнеспособности подобных образований. Этот факт был принят учеными-экономистами как данность, в силу непосредственной убедительности. Научное осмысление феномена запаздывало. В экономическую (в том числе, учебную) литературу прочно вошло положение о том, что современная экономика предполагает разнообразие форм собственности и хозяйственной организации. Оптимальная конфигурация таких форм в реальном экономическом образовании позволяет максимально адаптировать систему к конкретным условиям существования и наиболее полно проявить свои достоинства. Именно с этим моментом связывается успех реализации той или иной национальной модели экономики.

Однако общественное признание данных положений не сопровождалось активизацией соответствующих научных исследований. Можно констатировать отсутствие фундаментальных научных работ, посвященных проблемам сложной природы реальных экономических образований, неоднородности их состава, взаимодействия разноплановых компонентов системы, синергетического характера реальных экономических процессов. Данная проблематика, несмотря на свою актуальность, остается вне основного руслу экономических исследований². Такое положение вещей, на наш взгляд, обусловлено инертностью, господствующими в экономической науке, традиций. Привычные методологические подходы диктуют свою логику исследовательского процесса, направленность на решение определенного круга научных задач. Они не по-

¹ Речь идет, прежде всего, о накоплении социально-демографических проблем, динамике национального состава населения и др.

² В качестве многочисленных исключений можно отметить работы венгерских экономистов 80-х годов; труды Т. Шанина и Э. Де Сото [2, 3].

зволяют свободно смещать сферы научных интересов и кардинально менять актуальность проблематики. В свою очередь сама концептуальная база экономической науки вытекает из основополагающих парадигм социального знания, устоявшихся, доминирующих в течение нескольких столетий.

Основная часть. В соответствии с классической парадигмой социального знания развитие общества имеет линейно-поступательный и в целом безальтернативный характер. Альтернативные пути развития воспринимаются как случайные, поглощаемые единой логикой течения событий. Предметом исследования социальных наук являются наиболее общие, повторяющиеся процессы и явления, а задачи науки сводятся, прежде всего, к выявлению закономерностей. Факты, события – вне закономерности, не имеют существенного значения. Линейная динамика социального развития дополняется стадийностью, вычленением этапов исторического процесса на основе набора ключевых признаков. Важной составляющей классической парадигмы является идея универсальной историчности – представление исторического процесса в его единстве и общей направленности. Разнообразии исторических реалий выступает при этом как нечто поверхностное, затеняющее универсальную суть исторического процесса. Исследование социального многообразия, в рамках такого подхода, сводится к анализу стадий развития, обязательных для всякого конкретного общества.

В центре традиционного понимания социума стоит интерпретация не формирующегося, а сформировавшегося общества, т.е. завершенного феномена, в котором воплощен результат социальной эволюции. Это, во-первых, предполагает признание идеального прототипа социального порядка, в соответствии с которым должна строиться реальная жизнь людей; во-вторых, обуславливает преимущественный теоретический интерес к состояниям устойчивости и равновесия в социальной системе. Неравновесное состояние рассматривается как негатив, разрушительное начало, которое должно быть преодолено социальной практикой на основе более глубокого проникновения в суть явлений [1, с. 165, 166]. Наконец, следует отметить крайний эгоцентризм, заложенный в традиционных представлениях и социуме. Последний выступает как центр мироздания, вселенский уникум, наделенный бесконечными возможностями по радикальному преобразованию окружающей среды. Природа воспринимается как поле самовыражения человека.

Отмеченные методологические подходы, господствующие в социальном знании, формировали общенаучный контекст экономических исследований. В том числе, они предопределяли теоретическую интерпретацию присутствия в экономике разнородных формирований и алгоритм определения их статуса. Эта проблема вошла в научную литературу как проблема многоукладности экономики. Само терминологическое обозначение вопроса изначально имело негативный подтекст, содержало отрицательную характеристику реального экономического образования. Многоукладность свидетельствовала о хозяйственной отсталости, экономической недоразвитости той или иной страны. Научная актуальность проблемы увязывалась лишь с поиском путей преодоления этого состояния, устранения самого феномена.

Истоки такого восприятия многоукладности лежат в идеализированной истории индустриализации, в которой перманентные технико-технологические преобразования сопряжены с экспансией соответствующих форм социального бытия. Важнейшей мировоззренческой опорой этой традиции мышления является вера в безграничный прогресс. Последний представляется как некий многоступенчатый подъем, в ходе которого развитие техники, сила науки, величие человеческого разума позволяют удовлетворять необъятные человеческие потребности с помощью беспредельного производства материальных благ. Прогресс наделяется способностью решать любые проблемы жизни социума, в том числе трансформировать консервативные социально-экономические формы, стоящие на его пути. В конечном счете с ним связываются надежды реализации «высших» социальных ценностей, будь то справедливое общественное устройство, человеческое благополучие, индивидуальная свобода. Логика прогресса предполагает также унификацию социальной среды, универсализацию отношений и социальных институтов в соответствии с прогрессивными образцами.

Итогом поступательного подъема, в таком понимании, является наступление «истинной» эпохи – эры индустриальной цивилизации, в которой социально-экономическая действительность приобретает законченное оформление в виде устойчивой и равновесной конструкции – социалистического планового хозяйства либо либерально-капиталистической рыночной экономики. Речь идет о существовании корневых мировоззренческих позиций, объединяющих таких идеологических антиподов, как неоклассическая теория и экономическая теория К. Маркса. Этим объясняется тот парадокс, что несмотря на глубочайшие различия во взглядах на социально-экономическое устройство общества, обе концептуальные схемы в общем едины в трактовке многоукладности экономики.

Аналитическая активность этих школ была изначально направлена на исследования доминирующих экономических структур, представлявших важнейший, но не единственный «срез» социально-экономической действительности. Традиции европейского рационализма в экономических исследованиях предопределяли готовность воспринимать социально-экономический порядок как нечто моноструктурное, относительно однородное. Проблема существующего хозяйственного разнообразия в общем игнорировалась¹. Любые экономические явления, в том числе и хозяйственные формы, несоответствующие логике работы доминирующих структур, рассматривались как несущественные. Их проявление представлялось как

¹ Различные формы хозяйствования исследовались, главным образом, в исторической ретроспективе, в целях выявления стадийности социально-экономического процесса.

«шумовой фон», затеняющий ритмику «настоящей экономики». Если же логика исследования вынуждала теоретиков учитывать присутствие таких образований в экономике, то они определялись как «маргинальные формы хозяйства». Это понятие несет в себе два смысловых оттенка; во-первых, оно служит для отражения хозяйственных структур, находящихся на «периферии» экономической системы, «на обочине» (*At margins*) магистрального пути социально-экономического развития; во-вторых, – обозначает «идеологически-неопределенные» хозяйственные формы, которые трудно идентифицировать с умозрительными системами-антиподами – капиталистическим рыночным хозяйством и социалистической командной экономикой. И в том, и другом случае маргинальные формы хозяйства – не что иное, как понятийная фиксация присутствия в реальной экономике хозяйственных структур, существование и функционирование которых не вписывается в логику «работы» доминирующего центра.

Такие формы в рамках государствующих подходов интерпретировались как «пережитки прошлого», тупиковые ветви социально-экономического развития, что особенно явно прослеживается в марксистской литературе. Рудиментарный статус маргинальных хозяйственных форм лишил их «права» на самостоятельную динамику и историческую перспективу. Их специфика объяснялась консервативностью и силой социальной инерции. Выживание этих форм было увязано с той временной пользой, которую из них извлекали доминирующие хозяйственные структуры. В конечном счете маргинальные образования подлежат ассимиляции индустриально-рыночным (индустриально-плановым) центром, преобразованию по его «образу и подобию» [4, с. 109]. Неудивительно, что при таком подходе не предпринимались попытки целенаправленного исследования маргинальных форм и их классификации, не ставился вопрос о целесообразности присутствия этих образований в экономической системе.

Между тем глобальные тенденции, проявившиеся в социально-экономической действительности, поставили вопрос о пересмотре позиций по проблеме хозяйственной неоднородности экономических систем. Противоречивый характер развития и сомнительные успехи относительно «чистых», монологических экономических систем породили скептицизм по поводу возможности решения проблем человечества путем реализации амбициозных социально-экономических проектов – воплощения в действительность идеальной модели социально-экономического устройства. Проявилась и несводимость социально-экономической реальности к смеси характеристик альтернативных концептуальных схем – капиталистического рынка и планового хозяйства. Стало заметным, что развитие реальных экономических систем отклонилось от намеченного теоретиками пути. Центральные экономические структуры не смогли полностью колонизировать периферийные хозяйственные уклады. Маргинальные формы хозяйства, в свою очередь, проявили жизнеспособность и тенденцию к экспансии: масштабы экономической деятельности в рамках маргинальных форм не сокращались, а возрастали. Оказалось, что экономические системы, «насыщенные» маргинальными структурами, успешно отвечают на «вызовы» нашего времени и содержат значительный потенциал развития. Эти проявления приобретают особую значимость в общем контексте заката индустриальной цивилизации и утраты, порождаемых ей, мировоззренческих иллюзий.

Пересмотр господствующих в экономической теории традиций, утверждение новых взглядов на системную сущность экономической деятельности, в том числе, на проблему «чистоты – разнородности» ее составляющих, стали возможными в условиях изменения основополагающих парадигм социального знания. Необходимость осмысления глобальных сдвигов, затрагивающих практически все стороны жизни социума, инициировала многочисленные фундаментальные исследования в области социальных наук. Предпринимаются активные попытки формирования новой мировоззренческой базы познания социума, создания нового образа социального мира. Прежде всего, речь идет о «ренессансе» цивилизационного подхода в отечественной науке, попытках создания теории экогармонизма, становлении синергетики как науки. Результатом этих инициатив стала выработка новой парадигмы социального знания, ориентирующей исследователя на многомерное, полидетерминистическое восприятие социальной действительности.

Новая парадигма социального знания позволяет исследовать совокупность фактов и характеристик социального процесса, которые не изучались классической наукой. В этой связи следует выделить положение о нелинейном и вариативном характере общественного развития. Истоки такого понимания исторического процесса восходят к трудам выдающего русского мыслителя XIX века Н.Я. Данилевского – создателя теории «культурно-исторических типов». Данилевский предложил многомерную и вариативную модель существования культурно-исторических типов как онтологически полноценных «ветвей» социального процесса. Смысл прогресса по Данилевскому заключается не в том, чтобы человечество шло по одному пути, а в том – чтобы реализовало свой потенциал во всех направлениях, развивалось в рамках самостоятельных культурно-исторических типов, каждый из которых вносил свой вклад в «сокровищницу» человечества [5, с. 87]. Этот подход, отрицающий идею универсальной историчности и представляющий социальное разнообразие как позитив, соответствует выводам и логике синергетического осмысления социального бытия.

Синергетика как наука о самоорганизации систем представляет исторический процесс в аспекте неравномерной, дискретной динамики. Не отрицая закономерностей в социальном процессе, она по иному определяет статус случайности, значения отдельного факта, события. Если в периоды устойчивого состояния систем доминирует детерминизм, то созидательная роль случайности в истории резко возрас-

тает в периоды бифуркационного перелома, когда рождаются (становятся господствующими) новые структуры, осуществляется выбор пути дальнейшего развития. Это делает исторический процесс поливариативным и непредсказуемым.

Альтернативность истории проявляется в том, что девиантные (отклоненные) и так называемые «тупиковые» пути могут быть совершеннее и перспективнее выбранного варианта. Богатство выбора пути (вне крайнего случая – гибели социума) определяется структурным многообразием внутри системы, наличием множества центров неоднородности. Именно этот момент обуславливает адаптивные возможности системы и, как следствие, ее жизнеспособность. Выражаясь языком синергетики, нелинейность социальной среды является важнейшим условием самоорганизации социальной системы.

Разнообразие системообразующих связей и множественность центров разнородности определяет антиэнтропийный потенциал системы, позволяющий включиться механизм реорганизации при деградации (энтропии), доминирующей в системе структуры. Результатом преодоления точки бифуркации является рождение нового социального порядка. Заново формируются структуры, составляющие «центр» системы: утверждаются доминирующие социальные институты, в том числе, и формы организации хозяйства, меняется социальная иерархия, приобретают популярность новые идеи и т.п. Прежние социальные «лидеры» вытесняются на периферию системы и подвергаются существенной деформации. Однако синергетика рассматривает это господство как проходящее, в контексте циклического чередования режимов рождения и сохранения порядка, а также предполагает наличие в системе зон, недоступных для контроля и экспансии со стороны доминирующего центра. Синергетический подход в принципе отвергает возможность утверждения в мире единого оптимального порядка в социуме, и тем более неискаженного воплощения в жизнь умопостигаемой модели социального бытия. В управлении социальными процессами субъекту отводится довольно скромная роль – он должен не столько изменять действительность, сколько «вживаться» в нее, улавливать тенденции развития социальных реалий и адаптироваться к ним [1, с. 211, 212].

Такие представления о возможностях человека дополняются базовыми положениями концепции экогармонизма, в рамках которой предпринимаются попытки преодолеть эгоцентричное и утилитарное видение окружающего мира. Жизнедеятельность социума как составляющей биосферы (и природы в целом) рассматривается в контексте самоорганизации систем высшего порядка. Пределы «самовыражения» человека в природе, в таком представлении, предопределены системной целесообразностью иного уровня. Выход за эти пределы ставит под вопрос само существование человечества. Смысл человеческой активности заключается не в покорении Вселенной, а в выживании человека на Земле (в сохранении вида). Такой аспект анализа социальных реалий позволяет по-новому оценить значение тех или иных социально-экономических процессов, показать роль различных структур в обеспечении жизнеспособности социума. Новые методологические подходы меняют традиционное восприятие неоднородности в социально-экономической системе. Взаимодействие разнородных структур в системе приобретает более сложный вид. Оно несводимо к тотальному утверждению доминирующих структур в поле относительной однородности, в хаосе элементов («обломков») прежнего порядка. Взаимодействие доминирующего центра с периферийными структурами носит характер межсистемного метаболизма. Несмотря на всю неравнозначность сторон это взаимодействие системных образований. Периферийные хозяйственные уклады (маргинальные формы хозяйствования) приобретают качественно новый статус «эксплолярной экономики».

Введение данного понятия в активный научный оборот инициировано английским историком и социологом (специалистом по истории аграрного производства) Т. Шаниным. Категория «эксплолярной экономики» несет в себе несколько содержательных аспектов, пояснение которых нуждается в кратком этимологическом экскурсе. Под полюсом понимается: во-первых, предел, граница, крайняя точка чего-либо; во-вторых, нечто, диаметрально противоположное другому; и наконец, центр, место сосредоточения какой-либо деятельности, силы и т.п. Исходный смысловой аспект категории «эксплолярная экономика» обусловлен «историческим происхождением» термина. Именно историки впервые использовали это понятие, подразумевая под эксплолярной экономикой *архаичные формы хозяйствования за пределами города* (полиса), который был сосредоточием государственности и рыночных отношений. Второй аспект трактовки категории был обусловлен актуальной проблематикой XX века. Он связывает эксплолярность с *экономическими образованиями, расположенными вне двух полюсов – капиталистического рынка и социалистического планового хозяйства* [4, с. 112]. В рамках национального хозяйства речь идет о существовании форм хозяйствования вне шкалы «государство и рынок (большой бизнес)»; о наличии «ниш» хозяйственной жизни, сохраняющих известную автономию от доминирующих в экономике структур. К подобным образованиям Т. Шанин относит: семейное хозяйство, мелкое товарное производство, «вторую» и теневую экономику. Наконец, нам представляется возможным выделить еще один содержательный план категории. На наш взгляд, категорию эксплолярной экономики можно использовать для выражения многообразных *форм хозяйственной жизни вне центров экономической и политической мощи*, в которых сосредоточены все «достижения» современной цивилизации, сконцентрированы богатство и власть. Такая расширительная трактовка эксплолярной экономики трансформирует категорию в достаточно фундаментальное и общее понятие, применимое на мега- и макроуровнях. Оно позволяет корректно интерпретировать социально-экономическое разнообразие в мировой экономике и отдельных странах, исследовать про-

блемы исторической динамики социально-экономических систем. При данном подходе эксполлярная экономика (помимо указанных форм «параллельной» хозяйственной жизни) включает в себя целые отрасли производства – анклавные предшествующих хозяйственных эпох. Это традиционные промыслы, сельское хозяйство; с закатом индустриальной цивилизации признаки эксполлярности приобретают старые отрасли индустрии. Возможен и формационный план фиксации «эксполлярных зон», рассматривающий любые социально-экономические отношения в потенциале как исторически непреходящие. Речь идет о том, что, несмотря на общественный прогресс и смену доминант, рабовладельческие и феодальные отношения не исчезают полностью. Они сохраняются в социально-экономической действительности в виде «спящих почеч», способных раскрыться в условиях востребованности со стороны доминирующих структур. Наконец, понятие эксполлярной экономики включает в себя всю «мирохозяйственную периферию» Ф. Броделя.

В целом эксполлярную экономику можно определить как категорию, отражающую присутствие в экономической жизни образований (укладов), которые по принципам функционирования и логике развития существенно отличаются от доминирующих в экономике структур. Такие образования хоть и подвержены влиянию «индустриально-рыночного центра» современной экономики, но сохраняют свои системные свойства. Они обладают значительной автономией, потенциалом и закономерностями развития; способны оказывать большое влияние на внешнюю среду.

На всех уровнях хозяйства существуют «зоны» экономической активности, которые вечно сопутствуют доминирующим структурам, но остаются для них зонами относительной недоступности. Организация хозяйственной жизни в этих сферах носит преимущественно неформальный и персонифицированный характер. Им присущи специфические регулятивы, особые способы воздействия на поведение хозяйствующих субъектов. Эксполлярные сферы экономики демонстрируют значительную гибкость в использовании трудовых ресурсов. Деятельность в рамках подобных форм не имеет однозначной ориентации на прибыль (официальную карьеру), ее цели имеют более широкий, социальный контекст. Логику хозяйственной жизни во многом определяют нормы первичных сообществ (семья, клана, общины и др.). Во взаимодействии с доминирующими структурами такие образования сохраняют свою целостность, внутреннюю упорядоченность, способность к самоорганизации и саморегулированию.

Заключение. Категория эксполлярной экономики представляется весьма ценным «приобретением» экономической теории. Она лишена заведомо негативного оттенка, присущего понятиям маргинальной (периферийной) экономики. Если последние предполагают характеристику периферии с позиции доминирующего центра, то категория эксполлярной экономики смещает аналитическую позицию на «поле» социально-экономической периферии. В первом случае понятийный аппарат характеризует «экономику прозябания», во втором – «экономику выживания». Эти методологические аспекты имеют существенные следствия, которые особенно важны для субъектов, оказавшихся в «зоне» периферии. Новый взгляд на социально-экономическую действительность позволяет им выработать стратегию выживания, определить рамки приемлемой трансформации, отработать механизмы социальной мимикрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В.В. Василькова. – СПб., 1999. – 478 с.
2. Сото, Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. – М.: Catallaxy, 1995. – 320 с.
3. Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – 576 с.
4. Шанин, Т. Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. – 1990. – № 8. – С. 109 – 115.
5. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М., 1991. – 574 с.

Поступила 17.04.2010

CATEGORY OF EX-POLAR ECONOMY IN THE CONTEXT OF THE NEW SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT'S PARADIGM

A. PADHAISKI

This article considers the methodological aspects of the diversity of organizational forms of social and economic life. The ideological basis of traditional approach to the research of the multistructure of economy suggesting the idea of the universal historicity, the linear-progressive vision of the progress, the primary interest to the states of the sustainability and balance are analyzed in the article. Also, the article focuses on the scantiness of these approaches and the necessity of change of paradigms social and economic development. It also discusses the nature of the expoliary economy reflecting the presence of formations which differ from the dominant structure in the principles of functioning and the development logic. The article also aims at determining the most important features expoliary economic formation and their role in the social and economic development of society.